

Проповѣдь новой естественности

(О романѣ А. Каменскаго "Люди")

"Аполлонъ", No 3, 1909

OCR Бычков М. Н.

Въ литературѣ существуютъ нѣкоторые неумирающіе идеалы, которые проявляются въ извѣстныя историческія эпохи у разныхъ народовъ и подъ разными личинами, оставаясь въ своей логической сущности неизмѣнными. Исторически они могутъ быть обоснованы и оправданы; съ точки зрѣнія обществѣнности они приносятъ извѣстную пользу, но для искусства они вредны, бесполезны и обременительны.

Къ такимъ идеаламъ принадлежитъ фикція объ "естественномъ человѣкѣ". Почти всѣ мечтавшіе о моральномъ исправленіи общественнаго строя пытались изобрѣсти своего "естественнаго человѣка". Его педагогическое удобство было слишкомъ очевидно: тѣ, кому хотѣлось разсматривать историческіе пережитки, народныя традиціи, общественныя кристаллизаціи словомъ, всѣ вообще органическіе процессы общества не какъ накопленіе культуры, а какъ "ложь условностей", тѣ для наглядности должны были противопоставлять реалистически-обличительнымъ картинамъ современнаго имъ общества искусственно ими созданный идеаль "естественнаго человѣка".

Какъ всѣ гомункулы и автоматы, онъ таилъ въ себѣ притягательныя силы пустоты и въ то же время готовилъ опасности и разочарованія. Мало кто изъ великихъ умовъ Европы, начиная съ Ренессанса, избѣжалъ его отравы. Открытіе древнихъ культуръ Америки, которыя охотно были приняты за райское состояніе человѣка, повело къ созданію "добродѣтельнаго дикаря". Для "естественнаго человѣка" была найдена фиктивная конкретность. Уже Монтэнъ начинаетъ попрекать своихъ современниковъ добродѣтельными -- "viri a diis recentes". Буревѣстникъ революціонныхъ эпохъ -- "добродѣтельный дикарь" въ XVIII вѣкѣ получаетъ полное господство. Робинзоновъ Пятница, трагическая идиллія Бернардена де Сенъ-Пьеръ, канонизація естественнаго человѣка у Руссо, даже кое-какіе изъ персонажей въ сказкахъ Вольтера, свидѣтельствуютъ на разные лады о томъ же опасномъ и "полезномъ" идеалѣ, мѣшающемъ свободному изслѣдованію и принятію жизни.

Вызванный къ Существованію столькими заклинаніями, "добродѣтельный дикарь" появляется во время Революціи, и, если 14 іюля и 2 сентября онъ еще движимъ внушенною ему суровою литературною добродѣтелью, то третьяго и четвертаго сентября онъ уже становится тупымъ, кровожаднымъ и не мудрымъ звѣремъ. Идеализацію промышленнаго прогресса у Сенъ Симона можно разсматривать какъ реакцію своего рода противъ диктатуры "добродѣтельнаго дикаря". Но авторитетъ "добродѣтельнаго дикаря" въ области социальныхъ построеній далеко не подорванъ. Въ характерахъ современныхъ социалистовъ мы можемъ наблюдать самыя забавныя арлекинады отъ смѣшенія этихъ двухъ идеаловъ: идеала механическаго прогресса и идеала естественнаго человѣка. Размѣры популярности Толстого и Горькаго на Западѣ свидѣлствуютъ о неискоренимости мечты о "добродѣтельномъ дикарѣ". По всему ходу своего культурнаго развитія и по условіямъ переживаемой исторической эпохи, Россія оказалась обѣтованной страной для самыхъ разнообразныхъ воплощеній "добродѣтельнаго дикаря". Русскимъ утопистамъ и моралистамъ нечего было искать его въ Америкѣ, онъ былъ подъ руками. Идеализованный мужикъ, нигилистъ, опростившійся интеллигентъ, босякъ...-- все это различныя гримасы одной и той же литературной маски. Суровый и смѣлый но всегда ограниченный моральною идеей, реализмъ русскаго романа органически слился съ антихудожественнымъ идеаломъ "естественнаго человѣка". Добродѣтельный дикарь нашелъ свои пути и ходы въ литературѣ. Онъ сталъ представителемъ естественной народной совѣсти, естественной народной мудрости, онъ обладалъ "святой плотью", лишеною всякихъ свойствъ и отправленій и, въ частности, пола. Характерно то, что лишь тогда, когда авторы относились къ "добродѣтельнымъ дикарямъ" съ сознательнымъ или безсознательнымъ несочувствіемъ, какъ Гончаровъ къ Марку Волохову или Тургеневъ къ Базарову, лишь тогда они снабжали ихъ нѣкоторыми признаками пола. Эта примитивная безполость "естественнаго человѣка" не могла длиться вѣчно. Глубокія химическія реакціи, вызванныя революціонными движеніями девятисотыхъ годовъ, разѣли плеву стыдливости и создали потребности въ новыхъ моральныхъ критеріяхъ уже въ области пола. Идеаль естественнаго человѣка, излюбленный и воспитанный русскою литературой, былъ готовъ къ услугамъ новыхъ беллетристовъ, оставалось лишь наполнить его новымъ содержаніемъ. Арцыбашевъ создалъ Санина. Этого можно было ожидать. Санинъ -- неизбѣжное звено въ